

НАШИ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

К 180-летию со дня рождения А.А.Фета

ГАПОНЕНКО
Петр Адамович

— кандидат филологических наук, г. Орел

О ПОЭТИКЕ А.А.ФЕТА

Восторгаясь одним из фетовских шедевров — стихотворением «Упреком, жалостью внушенным...» (1888) — об упоении красотой чистого человеческого чувства, Я.П.Полонский в письме его автору (от 25 октября 1890 года) недоумевал: «Что ты за существо — не постигаю, ну скажи ради бога и всех ангелов его, и всех чертей его, откуда у тебя берутся такие елейно-чистые, такие возвышенно-идеальные, такие юношески-благоговейные стихотворения?...»¹. И тут же спраши-

вал самого себя (и, несомненно, адресата также): «Какой Шопенгауэр, да и, вообще, какая философия объяснит тебе происхождение или психический процесс такого лирического настроения?»

Полонский в данном случае глубоко прав: никакая философия, в том числе и Шопенгауэра, не в состоянии объяснить «лирической дерзости» Фета. Разгадка этого феномена — в самом Фете, в той его «идеальной устремленности», что составляла его «и признак и венец» (слова

из стихотворения «Одним толчком согнать ладью живую...», 1887) и приводила в восхищение не одного Полонского. Кстати, последний же и объяснил свое недоумение, заметив, что в Фете сидит «идеально восторженный лирик», чей духовный мир озарен «радужными лучами идеального солнца»: «Уж не оттого ли я так и люблю тебя, что в тебе сидит, в виде человека, бессмертная частица души твоей?»

*О, я блажен среди страданий!
Как рад, себя и мир забыв,
Я подступающих рыданий
Горячий сдерживать прилив!*

«Упреком, жалостью
внушенным...»

Так Фет с присущей ему трепетностью афористически выразил свое характерное душевное состояние в стихотворении, которое взволновало Полонского.

Фетовскую песню рождало сопротивление «жизненным тяготам», заставлявшим поэта, как он сам признавался в предисловии к третьему выпуску своих «Вечерних огней», «пробивать будничные льды, чтобы хотя на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии»².

Давно замечено, что фетовское «первозданное» слово многомерно, точный лексический смысл его не всегда улавливается. Язык и поэтические метафоры напряжены, допуская разное толкование. Логическая связь («сцепление») образов ослаблена. Логика развития поэтической мысли часто причудлива и парадоксальна. Поэт всякий раз вовлекает нас в новые, неожиданные состояния духа, тревожит наше воображение образами, дающими сращение весьма отдаленных понятий, ставит слово в необычные позиции. Таково коренное свойство фетовской лирики, ее отличительные особенности.

Здесь мы подошли к вопросу, нас интересующему: насколько правомерны были упреки современников в «неясности», затемненности смысла многих поэтических метафор Фета? Так, Полонский не раз досадовал на двусмысленность и даже непонятность отдельных образов поэта. Интересны на этот счет его замечания по поводу присланного Фетом ему «на расстерзание» стихотворения «Качаясь, звезды мигали лучами...» (1891). Вот что пишет Полонский Фету: «В первом куплете: “И мы любовались с тобою огнями”. Кто бы ни был при этом тот, к кому ты говоришь: с тобою — друг или женщина — все равно. Это понятно... Но во 2-м куплете: “Казалось, рулем управляя волшебным, / Глубоко ты грудь мне взрезаешь в побеге...”. Кто это? — Если женщина, то ведь она с тобой, и любит морем! Как же это побег? — Какие надо усилия, чтоб догадаться, что ты страсть, внушаемую тебе женщиной, сравниваешь с кораблем, бегущим по морю. Да если и догадываешься: насколько верно такое архаическое сравнение? “И там в глубине...”. Да тут целых три глубины: глубина неба, глубина моря и глубина твоей души — я полагаю, что ты тут говоришь о глубине души твоей... Но полагать или догадываться мало.